

И первой её читаю я. —Ю.

Если найдёшь её, верни. Пожалуйста.

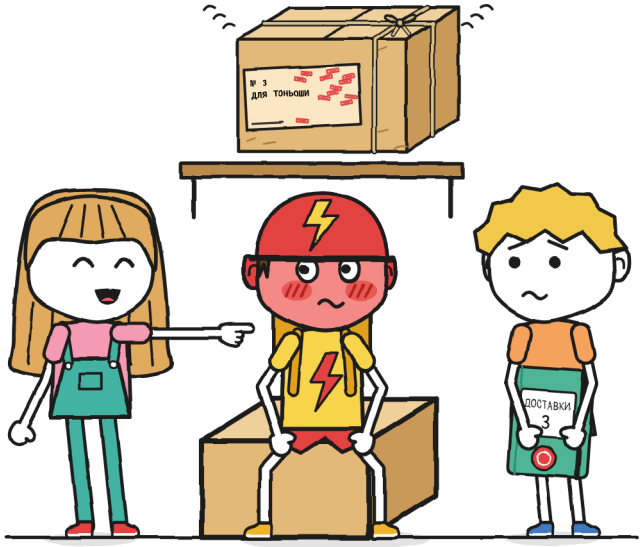

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: настоящие посылки обратно не прилетают. На настоящем велосипеде главная — последняя страница. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

Верните, пожалуйста

LinguAula

(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

Верните, пожалуйста

Третья книга серии. Предыдущие: «Эта посылка кусается» и «Не открывать до грома».

Текст и иллюстрации: LinguAula

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

© 2026 LinguAula · info@linguaula.com

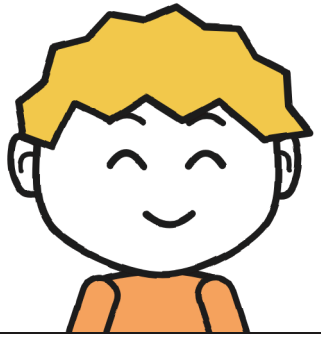
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

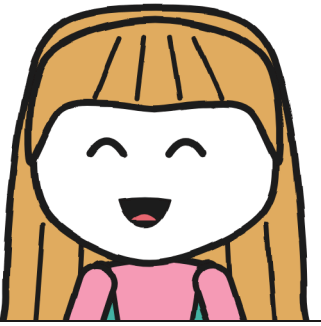
Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один курьер не пострадал при написании этой книги. Покраснел один. —Ю.

КТО ЕСТЬ КТО

Гуни. Субботний курьер. Рисует то, о чём его никто не просил. Эта тетрадь — его.

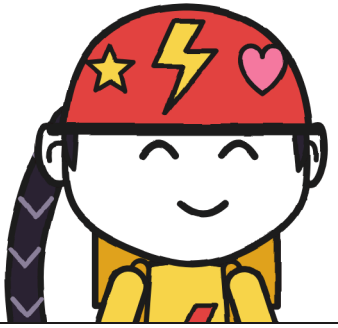
Юля. Пишет зелёным и подписывается «Ю.». Всегда знает, как помочь. В этом и беда.

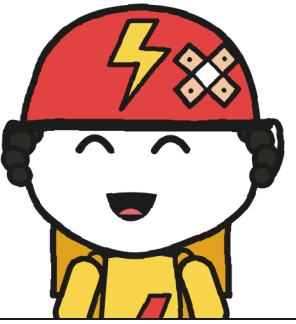
Тоньо. Развозит заказы для «МОЛНИИ» на велосипеде. За десять минут или бесплатно. Краснеет по частям.

Мара. Хозяйка «Невозможных доставок». Носит ведьмину шляпу. Знает больше, чем говорит.

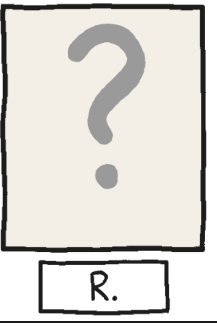
Зоя. Из «МОЛНИИ». Самая быстрая. Придумывает прозвища.

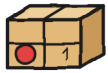
Бруно. Из «МОЛНИИ». Один раз проколол колесо. Два года назад.

Посылка No 3. Звенит, когда её двигают. На этикетке только одно имя.

R. Присылает посылки, которые никто не может доставить. Имя никто не называет.

ГЛАВА 1

Динь

Динь.

Звук был совсем крошечный, из тех, что слышно, только когда все остальные звуки замолчали: ложечка о чашку, звонок игрушечного велосипеда. Он шёл с полки возвращённых, и нас, четверых оставшихся в магазине Мары, будто приморозило: было бы слышно, как падает искра с печати.

Гроза давно ушла. Юля всё ещё стояла на моём синем табурете, подняв зелёный фломастер, а рядом с зачёркнутым 19 только что появилось написанное 18. Мара застыла с рукой на полпути к жалюзи. Я, который не знает, что делать с руками, даже когда всё хорошо, не сделал с ними ничего.

Это была посылка № 3. И Тоньо, который развозит заказы для «МОЛНИИ» за десять минут или бесплатно, стал цвета своего шлема.

Тетрадь была новая. Вторая кончилась у меня за одну грозу; эта — зелёная, в уголке печать магазина, и начать её собирался я, торжественно: название на первой странице и одно новое слово.

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 3 · Гуни. СЕКРЕТНО.

«Секретно» значит, что первой читаю я. И никому не рассказываю. —Ю.

Я написал название, высунув язык, и пошёл за резинкой: вдруг получилось криво. Когда вернулся, тетрадь уже начала Юля.

— Я её начала, чтобы тебе помочь, — сказала она. — Не за что.

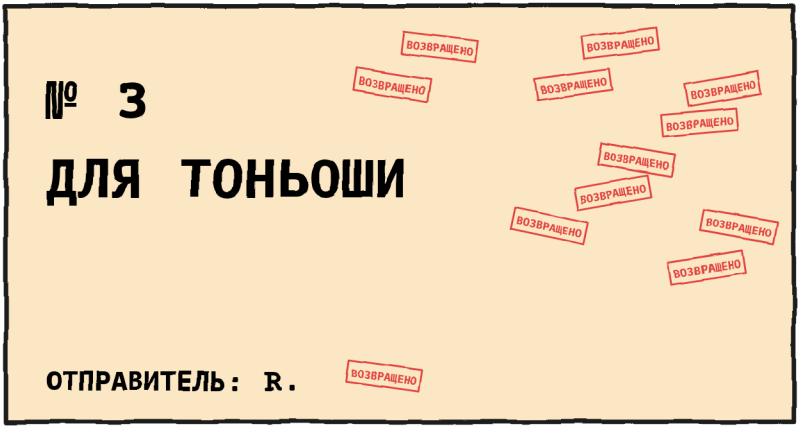
Я не просил о помощи. С Юлей это неважно.

Остальное — на случай, если когда-нибудь это прочтёт кто-то кроме неё. Магазин называется «Невозможные доставки», и он принадлежит Маре: она ведьма, носит фиолетовую шляпу, и у неё есть печать, которая при ударе сыплет искрами, пахнущими задутой свечой. На левой полке она хранит возвращённые: посылки, которые никто не смог доставить. Правило у них одно: если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются, на рассвете посылка улетает обратно на свою полку, точная, как кот в час ужина. Их было двадцать, и присылает их всегда один и тот же человек, R., про которого у меня в синей тетради уже были шесть улик. Мы с Юлей доставили две:

драконье яйцо и бегающие семена, — а на стене написано, её почерком и зелёным, ОСТАЛОСЬ 18.

Юля — та, что пишет зелёные записки. Я Гуни, новенький в районе: почти всё моё до сих пор лежит в коробках. А Тоньо — курьер «МОЛНИИ», с жёлтым рюкзаком; он отрабатывает с нами наказание по субботам, а после грозы у него в магазине появилось своё место: перевёрнутый ящик для доставок возле табуретов. Мара поставила его без объяснений. «Пока что», — сказала она. Никто не решился спросить, сколько длится это «пока что».

Посылка № 3 стояла на верхней полке, рядом с двумя пустыми местами, оставшимися от яйца и семян, этикеткой вперёд. Я подошёл прочитать её: стоя и не прикасаясь.

Три строки, напечатанные на машинке: № 3. ДЛЯ ТОНЬОШИ. И в самом низу: ОТПРАВИТЕЛЬ: R. Между именем и

последней строкой оставалось целое поле белой бумаги. Вокруг — двенадцать печатей ВОЗВРАЩЕНО. Я их посчитал.

Юля спрыгнула с табурета и встала рядом со мной. Прочитала вслух:

— Для То...

И закрыла рот.

Юля никогда не замолкает на полуслове. Я посмотрел на Тоньо и понял почему.

Я прочла её наполовину. Вторую половину проглотила.
—Ю.

Есть люди, которые краснеют сразу. Тоньо — нет: Тоньо краснеет по частям. Сначала уши. Потом щёки. Потом лицо целиком, до самого ремешка шлема, и оставалась ещё последняя ступенька, самая страшная: когда лицо и шлем перестают различаться. После дрожеметра посылки № 2 я не умею смотреть на что-нибудь меняющееся и не придумать для него шкалу, так что я это записал.

Юля потянулась к посылке, чтобы дочитать недостающее.

— Эта посылка может подождать, — очень быстро сказал Тоньо. — Она ждёт уже годами, правда? Подождёт ещё день. Или десять. «МОЛНИЯ» не торопится.

Я впервые слышал, чтобы «МОЛНИЯ» такое говорила.

— Этой ночью ничего не открываем, — сказала Мара. — И полку не трогаем без разрешения.

Рука Юли замерла в воздухе, в пальце от этикетки. Никто ничего не тронул. И тут она зазвенела снова.

Динь.

— Это дверь! — сказала Юля голосом, которого я у неё не знал: слишком высоким и слишком поспешным.

Дверь была закрыта с тех пор, как ушла Вера.

Когда я чего-то не понимаю, я составляю список. Подозреваемые в динь:

1. Дверь. (Предложение Юли. Закрыта, без сквозняка, и никто её не толкал.)
2. Велосипед Тоньо на тротуаре, со звонком «МОЛНИИ». (Он говорит ДРЫЫНЬ, а не динь. Но всё-таки звонок.)

3. Резиновая лягушка. (Юля мгновенно объявила её невиновной. Говорит, что знает её.)
4. Посылка № 3.

Посылку № 3 я поставил последней, из вежливости.

Я вышел на тротуар проверить. Лягушку взял с собой, потому что подозреваемого на расстоянии не допрашивают.

Дождь уже кончился. Улица пахла мокрым асфальтом, и в каждой луже сидел фонарь. Я открыл и закрыл дверь: скриип. Нажал на звонок велосипеда Тоньо: ДРЫНЬ! Сжал лягушку: пик.

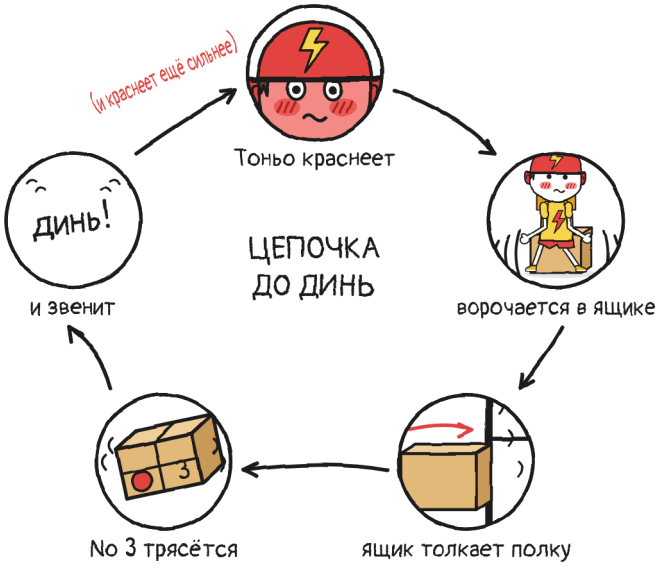
По ту сторону стекла Юля качала мне пальцем: нет. На каждый звук одно и то же, туда-сюда, как дворник на машине. Ни один из них.

Я вернулся и оставил лягушку на прилавке. Тоньо, заметив мой взгляд, заворочался в своём ящике.

Динь.

Я пригнулся. Ящик Тоньо стоял, прислонённый к ножке полки.

Я нарисовал это прямо там, на коленях, и у меня получился круг, потому что сколько я ни вертел, найти, где он начинается, не мог.

Это была не магия. Это был Тоньо. Внутри № 3 лежит что-то, что звенит, когда его двигают.

Как я. —Ю.

Тоньо проследил мой взгляд до ножки полки, посмотрел на свой ящик и решил сидеть смирно.

Хватило его ненадолго, как растянутой резинке.

Смирно. Потом ещё смирнее: так смирно, что было слышно, как он думает «смирно», а по виску у него катилась капля. Юля молчала уже целую минуту, а для неё это всё равно что задержать дыхание под водой, и рано или поздно всплываешь с тем, что лежит ближе всего ко рту.

— Кто такой Тоньоша?

Тоньо подпрыгнул. Ящик толкнул ножку, полка дрогнула, и № 3 сказала ДИНЬ! — с силой, какой ни один динь не заслуживает. Мара посмотрела на потолок, как человек, который считает до трёх.

— Это был просто вопрос, — сказала Юля. — Вопросы полки не толкают.

А этот — да.

— Это был я, — сказал Тоньо, глядя на свои кеды. — Маленьким.

Он сказал это так тихо, что лягушка на прилавке, которая была к нему ближе меня, услышала лучше.

Юля открыла рот. Я видел, как её вопросы выстроились в очередь, как в пекарне в воскресенье утром, первый уже с деньгами в руке. Потом она взглянула на Тоньо, который всё смотрел на свои кеды, и закрыла рот.

— Больше не спрашиваю, — сказала она.

Ей это далось нелегко. Было видно по ноге: тик, тик, тик об пол магазина.

Вопросов, которые я не задала: девять. Они у меня записаны. —Ю.

— А почему вы никогда не отвозили её? — спросил я у Мары.

— Двенадцать раз отвозила. — Считать печати никому не пришлось. — Посмотри на этикетку: ни улицы, ни номера дома, ни фамилии. Я пробовала со всеми Тоньошами, каких нашла.

Она перечисляла по памяти, на пальцах, а я рисовал, пока слушал. Канарейка, которую и вправду звали Тоньоша и которая наступила на этикетку: не считается. Дон Антонио, семидесяти одного года: надел очки, дважды прочитал бумагу и сказал «Я бы не отказался», глядя на неё, как смотрят на витрину. Лодка с канала с именем, написанным на борту, тоже не расписалась: у неё нет рук.

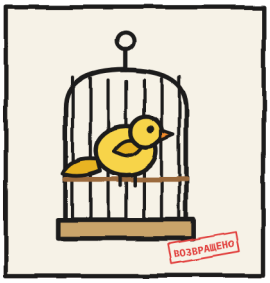
— А Тоньо? — спросила Юля.

— Когда я пробовала в последний раз, я его ещё не знала, — сказала Мара и посмотрела на него. — А как его звали в детстве, мне никто не сказал.

Мара достала из-под прилавка фиолетовый платок и накрыла № 3, как накрывают клетку попугая, чтобы он спал. Потом попросила Тоньо на минутку встать и отодвинула его ящик на две ладони от полки.

— Вот так. Теперь можешь вертеться сколько хочешь.

ТОНЬОШИ МАРЫ

1. Канарейка.
(Наступила на этикетку. Не считается.)

2. Дон Антонио, 71 год.
(«Я бы не отказался».)

3. Лодка с канала.
(У неё нет рук.)

Тоньо мог бы уйти. Велосипед стоял у двери: за десять минут он оказался бы на другом конце района. Он снова сел.

Не знаю почему. Всё равно записываю.

А поскольку у его ящика нет спинки, я нарисовал ему её: высокую, чуть изогнутую, с маленькой подушкой, карандашом и пунктиром, а внизу мелкими буквами: «спинка (моя идея)».

Тебя никто не просил о спинке. —Ю.

Когда закрывали, Тоньо остался последним и застёгивал шлем так медленно, что в «МОЛНИИ» это было бы серьёзным проступком. Мара гасила свет, лампу за лампой; фиолетовый платок так и лежал на посылке, на верхней полке.

— Мара. Завтра приду поговорить об этом. Но наедине.

— Эти двое — из магазина, — сказала Мара, не оборачиваясь.

Тоньо посмотрел на нас. Сначала на Юлю, потом на меня. Я выпрямился на табурете.

— Эти — ладно, — сказал он. — Но никого из «МОЛНИИ».

Он вышел и пошёл прочь между луж, ведя велосипед за руль.

У динь появился хозяин. Оставалось узнать, нужен ли он хозяину.

Я уже знаю, как ему помочь. —Ю.

Вот это меня и тревожит.

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждому — свой размер. Один и тот же день. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)